

УДК 81'27

doi 10.17072/2073-6681-2021-3-40-50

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ МЕТАКОММУНИКАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ¹

Татьяна Ивановна Попова

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. tipopova13@gmail.com

SPIN-код: 5935-5281

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2066-7868>

ResearcherID: AAU-2106-2020

*Статья поступила в редакцию 02.03.2021***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Попова Т. И. Прагматические маркеры метакommunikации: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 40–50. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-40-50***Please cite this article in English as:***Popova T. I. Pragmaticeskije markery metakommunikatsii: gendernyy aspekt [Metacommunicative Pragmatic Markers: Gender Aspect]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 40–50. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-40-50 (In Russ.)*

В статье рассматривается использование прагматических маркеров метакommunikации в гендерном аспекте и с учетом социальных ролей говорящего. Источником материала послужил Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день», разработанный на основе расшифровок аудиозаписей, полученных в естественных условиях. Объем выборки составляет около 200 тыс. словоупотреблений. В ней представлены эпизоды «речевых дней» 15 женщин и 15 мужчин трех возрастных групп. Информанты выступали в различных социальных ролях, противопоставленных по принципу симметричности/асимметричности. Прагматическое аннотирование материала и дальнейший дискурсивный анализ показали, что в речи говорящих активно используется метакommunikация, но в речи женщин ее значительно больше. При этом мужчины используют маркеры такого типа (*слушай / давай сегодня / (м...м) в тишине проведём день, потом на голодный желудок её лучше не есть / знаешь*) с конкретными речевыми задачами, например, как форму отказа (*слушай / у меня нет денег*), а в речи женщин вариативность метакommunikативных маркеров представлена шире, но функционального разнообразия при этом не наблюдается. Это подтверждает наблюдения лингвистов, полученные на материале различных языков, о том, что женщины стремятся к кооперации и поддержанию диалога в большей степени, чем мужчины. Эта особенность женской речи, с точки зрения феминистской лингвистики, напрямую связана с вопросами зависимого положения женщины, поскольку фиксирует ее пассивность и привычку уступать. Однако следует отметить, что более половины обнаруженных употреблений принадлежат речи женщин старшей возрастной группы (от 55 лет), которые общаются с близкими и подругами, в то время как в речи представителей молодежи прагматический метакommunikативный маркер приобретает полифункциональность и выступает еще и как маркер старта.

Ключевые слова: социолингвистика; гендерная лингвистика; корпусная лингвистика; устная речь; лингвистическая относительность; прагматические маркеры; метакommunikация.

Введение

Симона де Бовуар в книге «Второй пол» говорит о том, что сформированное восприятие делает маркированным именно «женское», а мужское остается неким стандартом: «быть женщиной если не порок, то, по крайней мере, особенность»

[Бовуар 2017: 186]. Оценка женщин и «женского» в языке чаще носит негативный характер. Достаточно вспомнить, что при необходимости отрицательно охарактеризовать референта с мужскими признаками используют перенос оценочных признаков, которые, согласно стереоти-

пам, свойственны женщине [Горошко 2001: 520]. Есть понятие «женской» логики, «женских» фильмов, и все это маркировано к тому же с явной отрицательной коннотацией².

Действительно, «мужчине никогда не пришло бы в голову писать книгу об особом положении людей мужского пола в человечестве» [Бовуар 2017: 9]. Так и в языке: есть представления о том, как говорят женщины, и о том, как ей говорить не следует: «Ты же девочка». Проводятся исследования «женского нарратива», в то время как на другой стороне остается просто нарратив, ничем не маркированный: «имплицитная форма гендерного аспекта связана с языковой актуализацией гендерного стереотипа посредством лексико-семантических категорий» [Зубенко 2020: 657].

Но все это можно связать лишь с тем, что есть определенные стереотипы и определенные социальные роли, которые предписывают говорящему и особый тип речевого поведения, например роль матери и свойственный ей *baby talk*.

Действительно, в процессе общения происходит постоянное речевое переключение, в рамках которого, как представляется, «успех общения в значительной мере зависит от того, в достаточной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации» [Крысин 2004: 430].

Так, владение говорящим несколькими речевыми кодами проявляется на уровне его *социальных ролей* (СР) в процессе коммуникации, где можно обнаружить специфические черты, или *лингвистические корреляты*, этих ролей. Социальная роль порождает «ожидание» от человека определенной манеры поведения, в том числе и речевого. В таком случае реализация СР будет варьироваться вместе с ситуацией, но при условии нахождения внутри рамок, допустимых для той или иной роли.

Взгляд на русскоязычный устный дискурс сквозь призму социальных ролей порождает целый ряд вопросов: будут ли женщины и мужчины в схожих социальных ролях одинаково выстраивать дискурс? Или же в процессе коммуникации появится некая «женская» или «мужская» тактика достижения цели? Что в большей степени задает специфику общения: гендер или ситуация?

Таким образом, целью настоящей работы является поиск специфики построения устного дискурса женщинами и мужчинами в разных социальных ролях с использованием метода прагматического аннотирования корпусного материала.

Язык и мышление

Ментальность как способ видения мира является социальным феноменом и теснейшим образом связана с понятием стереотипов.

С точки зрения лингвистики в изучении ментальности важно подчеркивать роль языка, моделирующего сознание. Здесь вспоминается теория лингвистической относительности (гипотеза Сепира – Уорфа).

У носителей разных языков ментальные образы одного и того же объекта неодинаковы. Особенности мышления человека определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является [Уорф 1960]. Так, в английском языке есть только одно слово для обозначения снега, а в эскимосском их несколько; в английском языке есть два слова: *hand* ‘рука ниже запястья, кисть’ (*пожать руку, вымыть руки*) и *arm* ‘рука выше запястья’ или ‘рука от пальцев до плеча’ (*ходить под руку, взять на руки*), а в русском одно универсальное слово *рука*; русским прилагательным *синий* и *голубой* соответствует одно английское *blue* и т. д.

Грамматические категории, такие как время или число, также вынуждают говорящих воспринимать мир определенным образом. Именно здесь берут начало идеи *феминистской лингвистики* о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархальные, то есть мужские, ценности.

Вот какие явления понимаются, например, как «патриархальность» языка:

- начальной (немаркированной) формой прилагательного является форма м. р. – *белЫЙ, тривиальнЫЙ*;
- названия профессий, должностей и т. п. образуются как существительные 2-го склонения, то есть как слова м. р. с нулевым окончанием – *профессор, токарь, фараон*.
- собирательные числительные (*двое, четверо*) используются только со словами м. р., обозначающими лица мужского пола: *пятеро студентов*, но не **пятеро студенток*;
- в ряде языков существует разделение на мужской и женский варианты языка, или даже обособленные мужские и женские языки. Так, в Японии правила гендерного речевого поведения различны, что связано с существованием специфических мужских и женских языковых единиц³.

Мужской род оказывался первостепенным из-за приписывания именам, относящимся к нему, семантики силы, активности, энергии. Имена женского рода, напротив, характеризовались пассивностью, подчиненностью, то есть категория рода сама способна влиять на восприятие соответствующих слов и понятий.

Абстрактные понятия и институты нередко приобретают женские черты, ср.:

- во французском языке большая часть понятий женского рода: *Церковь (l'Église)*, *Синагога (la Synagogue)*, *Республика (la République)*, *Человечество (l'Humanité)*, *Мир (la Paix)*, *Война (la Guerre)*, *Свобода (la Liberté)*, *Революция (la Révolution)*, *Победа (la Victoire)*.

Аллегоричные формы восприятия инаковости женщины, ее особой природы, можно обнаружить в языковых явлениях, описывающих реальность, ср.:

- в немецком языке, в сознании носителя, слово *грех* ассоциируется с женщиной (*die Sünde*);
- в Ветхом Завете и в Апокалипсисе есть города-девы и города-блудницы (*Вавилон* и *Тир*) [Бовуар 2017: 234–236].

В языке австралийских аборигенов дьирбал категоризация в языке обнаруживает теснейшую связь с восприятием мужского и женского, ср.:

- языковая категория *balan* включает женщин, огонь и опасные вещи (змеи и волосатые гусеницы);
- слова *луна* и *солнце* относятся к разным категориям, как пара *муж* и *жена* в мифологическом понимании [Лакофф 2011: 132].

В работе Е. И. Горошко «Гендерная проблематика в языкознании» широко представлен обзор исследований, которые в большей степени связаны с вопросами феминизма. Так, формируется направление *феминистской лингвистики* и основные аспекты изучения языка в гендерной лингвистике:

1) язык и отражение в нем пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены;

2) речевое поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации.

В современной отечественной лингвистике существует много работ, дающих обзор исследований языка в гендерном аспекте [Кирилина 1999; Горошко 2001; Кирова 2009; и др.]. В западной лингвистике это работы [Lakoff 1975; Trömel-Plötz 1978; Таннен 1996].

Есть мнение, что при всей разработанности гендерной лингвистики «исследования проводятся в основном на фонетическом и грамматическом уровнях, а также рассматриваются речевые стратегии <...>. Лексический уровень исследован мало» [Ерофеева 2011: 246]. В то же время исследователи довольно часто обращаются к

описанию особенностей речи в гендерном аспекте (см., например: [Автухович 2012; Павлова, Цыгульская 2018]).

По мнению А. В. Кирилиной, изучение женственности и мужественности именно как культурных концептов позволит «повысить обоснованность и объяснительную силу остальных направлений лингвистической гендерологии и выявить степень применимости к русскому языку полученных в мировой лингвистике результатов» [Кирилина 1999: 125].

Представляется, однако, что лексический уровень языка, будучи самым активным с точки зрения возникновения новых явлений и смены существующих тенденций, не может стать базой для выводов, которые помогут достоверно оценить ситуацию.

Дискурсивные практики фиксируют отношение говорящих к знаку. Поскольку речевое поведение формируется на глубинных стереотипных образцах, становится возможным обнаружить связи языковых структур с характеристиками говорящих и их речевыми установками. «Гендерная интрига начинает разворачиваться перед исследователем в тот момент, когда он погружается в мир дискурса, и здесь употребление языка начинает “измеряться” именно ментальным пространством дискурса» [Халеева 1999: 6].

Поэтому настоящее исследование представляет собой результаты прагматического анализа устного дискурса. Подобные выводы на материале разговорной речи сделала А. Ю. Беляева [Беляева 2002]. Однако настоящая работа выполнена в рамках прагматического аннотирования речи и с учетом особенностей социальных ролей говорящих.

Прагматические маркеры устной речи

В речи заложена масса способов выражения речевых намерений говорящего. Прагматика в лингвистике занимается изучением поведения языковых знаков в реальном процессе коммуникации. Отдельно рассматриваются и способы достижения говорящим тех или иных целей общения [Арутюнова 1990].

В устной речи обнаруживаются единицы, которые подвергаются процессу прагматикализации и в результате почти утрачивают свое лексическое и/или грамматическое значение и начинают выполнять лишь определенные функции. Вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, будем называть их *прагматическими маркерами* (ПМ). Функциональная типология ПМ описана в работах [Богданова-Бегларян 2014; Прагматические маркеры... 2021].

Именно с помощью ПМ говорящий эксплицирует свои коммуникативные намерения, от-

ношение к адресату, обращение к общей с собеседниками перцептивной базе. Благодаря наличию прагматических маркеров слушающий может воспринять не только содержательную, но и структурную сторону речи, понимает, как протекает коммуникация: маркируется начало и конец реплики, поиск нужной единицы, опущение (игнорирование) деталей, подчеркивание важного, затруднения разного рода и призыв продолжить коммуникацию.

Особую значимость для настоящего исследования представляют метакоммуникативные маркеры (М), которые помогают информанту осмысливать сказанное самому, а также устанавливать, а потом и поддерживать контакт с собеседником, способствовать верной интерпретации им услышанного высказывания:

- *а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страховую да сперва ? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / понимаешь ? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась* *П вот⁴.*

Источником материала для исследования стал Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД), созданный в Санкт-Петербургском государственном университете. Материалом в данном случае служит речь информантов, записанная ими на диктофон в течение целого дня. В настоящее время корпус

содержит более 1250 часов звучания, записанных от 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте от 17 до 83 лет, и более 1000 их коммуникантов (см. об ОРД подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2017; Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2017]).

Система метатекстового аннотирования организована в ОРД таким образом, что получившаяся база данных содержит обширную информацию и позволяет балансировать материал по разным параметрам. Одним из малоизученных аспектов в корпусе ОРД является категория социальной роли говорящего.

Все социальные роли, в которых выступали информанты ОРД, удалось сгруппировать по определенным категориям. Ниже представлен фрагмент классификации СР в ОРД и сокращения, используемые в базе для их обозначения (рисунок).

Наибольший интерес представляют роли, которые в теории социолингвистики противопоставлены между собой по принципу симметричности / асимметричности отношений [Беликов, Крысин 2001: 201–202]. Это формирует дополнительные корреляции речи говорящих: помимо гендерных и возрастных различий, показывает влияние на речь и ситуационного, ролевого, контекста [Попова 2019, 2020].

<p>Родственники:</p> <ul style="list-style-type: none"> • МУ – муж, • ЖЕ – жена • ОТ – Отец и пр. <p>Прочие родственники (без указания пола):</p> <ul style="list-style-type: none"> • СР – старшие родственники тетья, свекровь, теща, дядя и пр. • МР – младшие родственники – зять, невестка, и пр. <p>Друзья</p> <ul style="list-style-type: none"> • БД – близкий друг (бой-френд) • БП – близкая подруга (гёрл-френд) • ДР/ПО • АД – ассоциируемый друг (друг друзей, родственников) 	<p>Коллеги</p> <ul style="list-style-type: none"> • КО – коллега • КН – коллега-начальник, командир • КД – коллега-друг (подруга) <p>«Парные» отношения</p> <ul style="list-style-type: none"> • КЛ – клиент (в том числе – покупатель, в транспорте с водителем-кондуктором, на вахте, арендатор квартиры, пациент, родители пациента) • СС – сервис, сервисная служба – все кто оказывают услуги за деньги (продавец, фотограф, квартирная хозяйка, врач) • ССВ – врач • УЧ – ученик • ПР – преподаватель, учитель и пр. 	<p>Группы людей</p> <ul style="list-style-type: none"> • СТ – студент(курсант) • ПП – «попутчик», а также посетитель того же кафе, магазина, поликлиники и пр. общественных мест <p>Прочее</p> <ul style="list-style-type: none"> • ЗН – просто знакомый, не друг, не клиент, не услуга, не «партнер» • ЧУ и пр.
--	--	--

Общая классификация социальных ролей в корпусе ОРД
General Classification of Social Roles in the ORD Speech Corpus

Анализ корпусных данных

В речи говорящих, «речевые дни» которых содержат эпизоды, где они выступают в асимметричных или симметричных социальных ролях, при составлении частотных списков удалось обнаружить одну особенность: в верхней части

словника находится единица *понимаешь*, которая служит для привлечения внимания собеседника, выступая с точки зрения прагматики в роли метакommункатива [Попова 2018].

Такое функционирование контактных глаголов (КГ) в диалоге отсылает к теории вежливо-

сти П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987], которые выделяют категорию *социального лица*, в том числе связанную с коммуникативным взаимодействием. Человек стремится как принадлежать к сообществу и получать одобрение от членов социума (*позитивное лицо*), так и обладать свободой и независимостью (*негативное лицо*). С этой точки зрения сама грамматическая форма глагола *понимаешь* направлена на установление контакта и поддержание позитивного лица собеседника, в то время как императивные формы КГ (*смотри, слушай, прикинь*) относятся, скорее, к угрозам негативному лицу слушающего.

И здесь наше исследование снова возвращается в плоскость гендерных исследований. В статье Е. А. Земской и ее коллег [Земская и др. 2015] к основным выводам относятся следующие положения:

- женщины более склонны к *кооперативной беседе* (курсив мой. – Т. П.), в связи с чем они задают больше вопросов и высказывают больше реплик-реакций, чем мужчины⁵;
- женщины более вежливы в обращении;
- женщины чаще используют косвенные просьбы, чем приказы.

В исследованиях психологов действительно подчеркивается, что типично женской чертой является ориентированность на собеседника в процессе коммуникации (см., например: [Майерс 2010]). Это снова отсылает нас к стереотипным представлениям о пассивности и уступчивости женщины. Но эта особенность подтверждается и дискурсивными практиками.

В работе Ю. А. Беляевой подобные единицы в речевом поведении женщин понимаются как проявление кооперативности и называются *актуализаторами*, или *коммуникативами* [Беляева 2002].

В ходе настоящего исследования, в результате анализа около 200 тыс. единиц, удалось обнаружить, что женщины используют метакоммуникацию в два раза чаще, чем мужчины. Сама метакоммуникация в целом широко распространена в нашем общении. В речи 15 мужчин и 15 женщин она встретилась практически у всех, но в речи женщин выявлено 156 употреблений соответствующих единиц, а в речи мужчин – только 82.

Полученные данные отличаются от тех, что были получены на материале монологической речи, ср.: «среднее количество метакоммуникативных единиц в мужском монологе любого типа – 1,35, в женском – 1,38. Т-критерий Стьюдента для этих выборок составил 0,16, а *p* (вероятность гипотезы об отсутствии влияния параметра 'пол' на количество МЕ (метакоммуникативных единиц. – Т. П.) в монологе) $\geq 0,87$, что позволяет говорить о том, что гендер информанта не влияет

на число метакоммуникативных элементов в его монологической речи» [Зайдес 2017б].

Интересно, что в речи мужчин метакоммуникация встретилась только в симметричных социальных ролях: общение с друзьями, и – в большей степени – дома с женой и детьми, ср.:

- *потом на голодный желудок её лучше не есть / знаешь* (И127, м, 42, дома с сыном)⁶;
- *идеальных условий не бывает / понимаешь ?* (И127, м, 42, дома с сыном);
- *слушай / они наверно Болеславовну% ненавидят* (И44, м, 41, дома с женой);
- *ну / видишь / похороны родственников / близких / *П они всегда вот такие вот* (И119, 49, дома с женой).

В материале исследования четко прослеживается тенденция употребления метакоммуникативов с дополнительной целью выразить недовольство, возмущение, с целью отказать:

- *языки показывает / представляешь ?* (И119, м, 49, дома с женой);
- *слушай / давай попозже ! *П или ты сейчас хочешь ?* (И36, м, 40, дома с другом);
- *слушай / давай сегодня / (м...м) в тишине проведём день / что-то у меня (...) голова трещит от этой музыки* (И36, м, 40, дома с другом);
- *ну ты представляешь / я вообще ничего в них не соображаю я !* (И35, м, 70, с женой);
- *да нет / ты знаешь / я как-то / на самом деле (...) сегодня (м-м) немножко грущу опять* (И122, м, 33, с коллегой).

Практически не встретилось случаев, когда ПМ служит вспомогательным средством выражения косвенной просьбы:

- *привет Андрей%⁷ // *П слушай / вопрос(:) в следующем / что у нас там по нарядам третьего факультета ?* (И102, м, 27, с другом);

Совсем иначе выглядит материал речи информантов-женщин. Во всех возрастных группах, вне зависимости от социальной роли, даже на работе, в ситуации формального общения, женщины активно прибегают к ПМ метакоммуникации:

- *видишь сейчас звонила (...) женщина / которая занимается этим экспериментом и спросила / я сказала / что мы с тобой ведём эксперимент* (И129, ж, 70, с дочкой);
- **В ну ты знаешь вот / ты произнесла фразу / от которой действительно *К (э) волосы дыбом* (И130, ж, 74, с подругой);
- *как будто у меня здесь такой вот большой микрофон / ты стоишь с огромной камерой / понимаешь как ещё при Владе Листьеве§ // вот такой огромный* (И61, ж, 25, с подругой);

- *это всё равно ЕГЭ было // *П имеется в виду (...) тесты такие вот / да / как с(?) вы заполняете* (И65, ж, 48, на работе);
- *так / тут никакая не ходит перепёлка? слушай / да нормально всё с ней* (И128, ж, 38, с мужем);
- *Мишаня% / знаешь как мне нравится / прямо балде(:)ю* (И77, ж, 39, на работе с коллегой);

В речи женщин трудно проследить особенную прагматическую нагруженность ПМ. Эта яркая особенность речи является лишь способом кооперации, постоянным сигналом собеседнику, что его мнение важно и нужно, что высказывание нуждается в отклике:

- *нет / это значит нужно постепенно с ребёнком / понимаешь?* (И130, ж, 74, с подругой);
- *но просто знаешь / ну () должно же быть в наших () людях хоть что-то человеческое! понимаешь? вот хоть какой-то грамм оставаться* (И136, ж, 55, с подругой);
- *смотри / *П по поводу четверга* (И65, ж, 48, с клиенткой);
- *а(:) а понимаешь / а Сергей% не считает вот нужным (а-а) у... у(:)... (м-м) как () как () ужиматься(:) / утруждать(:) себя / копить деньги(:) там на квартиру(:)* (И131, ж, 69, с подругой).

Важным представляется, что метакоммуникация является особенно характерной для старшей возрастной группы (от 55 лет) – 106 случаев из 156 (68 %), в средней возрастной группе – 34 употребления ПМ метакоммуникации (21,8 %), а в младшей всего 16 (10,2 %):

- *слушай / этот Евгений Храпов% он с офиса или откуда?* (И71, ж, 22, с коллегой-подругой);
- *видишь / я переселяюсь на Шевченко\$* (И69, ж, 20, с подругой);
- *так / смотрите () вы брали серединку зеркальный шкаф / и по бокам каналы дуба / вот вот такие как там полосочки* (И71, ж, 22, с клиентом);
- *смотрите! там ещё в этом фотоаппарате есть такая фишка* (И62, ж, 30, с клиенткой).

Во всех приведенных примерах маркер метакоммуникации полифункционален и выступает еще и в роли маркера границы (Г), точнее – стартового маркера. Обнаруженная особенность может быть тенденцией к изменению дискурсивных практик в речи женщин.

Основной массив подкорпуса устной повседневной речи подтверждает описанные ранее в работах лингвистов выводы о том, что женщины

действительно прибегают к тактике расположения к себе, «сглаживания углов».

Заключение

Внимание общественности сегодня приковано к феминитивам, употребление которых может не нравиться лингвистам и обывателям, но при этом становится показателем некоей солидарности. Современные печатные издания активно используют феминитивы, демонстрируя признание равноправия (а может, просто бояться осуждения, которое может возникнуть в любой момент?). И если крупных работ в области гендерной лингвистики на материале устной речи не появлялось очень давно, то работы в духе «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция» [Фуфаева 2020] или «Невидимые женщины» [Перес 2020] привлекают читателей.

Но думается, что данные, полученные в ходе анализа материала живой повседневной коммуникации, с учетом различных социологических параметров, таких как социальная роль и коммуникативная ситуация, позволят получить более точное представление о том, как наши стереотипы отражаются на речевом поведении, понять, в каких ситуациях общения они наиболее активны, а когда отступают. Если «язык есть дом бытия», то осознание того, как глубинные языковые структуры отражают ментальность, может вывести общество на путь перемен, в первую очередь связанных с мышлением и культурой. Хотя кажется, что сам язык справляется с этим запросом: так, в Японии уже давно не используется «женская» форма языка, без которой нельзя было обойтись еще полвека назад (см. об этом выше), а младшая возрастная группа русскоязычных говорящих практически не использует в речи «женской» тактики кооперативности в виде метакоммуникации.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

² Любопытно, что понятие «русская женщина» в отечественной паремиологии, наоборот, имеет положительную оценку: «В русском языковом сознании образ женщины имеет более положительную оценку, чем образ мужчины. Женственность ассоциируется не со слабостью, а с силой, решительностью, выносливостью, терпением, любовью, умом и красотой. Реакции, отражающие внешние параметры русской женщины, соотносятся с крупными размерами. В славянских языках смысл больших размеров нахо-

дился в тесной связи с идеей силы. Таким образом, лексема *сила* (*сильный*) непосредственно входит в число частотных реакций на стимул “русский мужчина”, тогда как образ русской женщины ассоциируется с силой более опосредованно – через описание ее внешности. Учитывая частотность крылатой фразы *Коня на скаку остановит...*, можно заключить, что в образе русской женщины сочетаются сила и внешняя привлекательность, не исключая друг друга» [Кирилина 1999: 165], см. также: [Уфимцева 1996].

³ В Японии мужская речь денотативна, а женская – коннотативна. Женская речь наиболее ярко отличается от мужской в области грамматики, лексики и интонации. Для женской речи характерны мягкость произношения, сдержанность, спокойный тон повествования. Женщины используют самые вежливые обороты, существующие в японском языке: «Женщины ориентируются на “открытый” социальный престиж, т. е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения: их речь более нейтральна, статична. Мужчины, наоборот, не боятся выглядеть в речи небрежными и раскрепощенными, стремясь к так называемому “скрытому престижу” – отклонению от норм и правил общения» [Котхофф 2005: 596–598].

⁴ Знаки *П и (...) в расшифровках ОРД означают хезитационные паузы разной длительности; знак (*) после слова – ошибку того или иного рода, (э...э) – звуковое заполнение пауз хезитации. О других особенностях орфографического представления материала ОРД (знаках дискурсивной транскрипции) см.: [Русский язык... 2016: 242–243].

⁵ Стоит отметить, что более позднее исследование устного дискурса на корпусном материале показало, что вопросительных реплик в целом в корпусе ОРД существенно (почти в три раза) больше, чем восклицательных (2,0 vs. 0,7 % в общем частотном списке), а в речи мужчин их несколько больше, чем в речи женщин (2,4 vs. 1,94 %). В речи информантов младшей возрастной группы (до 30 лет включительно) реплик-вопросов оказалось в два раза больше, чем у старших информантов (старше 50 лет) (2,5 vs. 1,3 %), и только у младших и старших в верхнюю зону частотного списка попали восклицательные реплики (0,8 и 1,04 % соответственно) [там же: 80–81]. Эти же выводы можно сделать и на материале устных монологов, собранных в корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая» (см. о нем.: [Звуковой корпус... 2013]). В монологах мужчины в три раза чаще, чем женщины, прибегают к использованию вопросно-ответной формы рассуждения, в два раза ча-

ще оценивают соответствие своей речи определенному коммуникативному сценарию, немного чаще (в 1,2 и 1,3 раза) употребляют различные дискурсивные маркеры и самокоррекцию. Исследование подтверждает также некоторые устойчивые лингвистические гендерные стереотипы: женщины склонны выражать (вербализовать) затруднения и сомнения в своей речи, делая ее более эмоциональной, а мужчины чаще строят часть монолога в вопросно-ответной форме, в стремлении структурировать и упорядочить свою речь [Зайдес 2017а].

⁶ Все примеры в работе атрибутированы с указанием кода говорящего (И1, И2...), а также его пола и возраста.

⁷ В корпусе «Один речевой день» для разметки аудиофайлов была разработана специальная система аннотирования. Например, специальные символы (\$, %) используются при именах собственных для дальнейшей анонимизации содержания материалов.

Список литературы

Автухович Ю. Э. Влияние факторов «Специальность» и «Гендер» на употребление видовых форм глагола // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17). С. 33–40.

Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 389–390.

Беляева Ю. А. Особенности речевого поведения мужчин и женщин: на материале русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 19 с.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.

Бовуар С. Второй пол. СПб.: Азбука, 2017. 928 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н. В. и др. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи / Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): тр. седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие. Харьков, СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. С. 508–543.

Зайдес К. Д. Джентльмены предпочитают вопросы: метакоммуникативы в речи представительных разных социальных групп // *Русская филология: сб. ст. по материалам конф.* Тарту, 2017а. Вып. 28. С. 271–275.

Зайдес К. Д. Метакоммуникация в русской устной спонтанной речи: дис. ... маг. лингв. СПб., 2017б. 239 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллект. моногр. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // *Язык как деятельность* / ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2015. С. 563–645.

Зубенко Я. В. Актуализация гендерного аспекта в женском нарративе // *Коммуникативные исследования.* 2020. Т. 7, № 3. С. 641–658.

Ерофеева Т. И. Частные социолекты: социальная стратификация устной речи // *Проблемы социо- и психолингвистики.* Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. С. 211–227.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.

Кирова А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2009. Вып. 8(86). С. 138–140.

Котхофф Х. Гендерные исследования в прикладной лингвистике / пер. с нем. М. В. Томской // *Гендер и язык* / под ред. А. В. Кирилиной. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 563–622.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому и социолингвистике. М.: Языки слав. культуры, 2004. 888 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и другие опасные вещи. Что категория языка говорит нам о мышлении. Кн. 1. Разум вне машины / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки слав. культуры, 2011. 512 с.

Майерс Д. Социальное влияние // *Социальная психология.* 7-е изд. СПб.: Питер, 2010. С. 200–241.

Павлова Д. С., Цыгульская Л. Д. Влияние пола и возраста говорящих на семантическую структуру устного спонтанного текста // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева.* 2018. Т. 1, № 4. С. 118–127.

Перес К. К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин? Неравноправие, основанное на данных: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2020. 496 с.

Попова Т. И. Частотные списки как инструмент поиска лингвистических коррелятов социальных ролей говорящего // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология.* 2018. Т. 2, № 2. С. 33–41.

Попова Т. И. Маркеры метакоммуникации в разных социальных ролях говорящего: на материале прагматического аннотирования корпусных данных // *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии.* Вып. 3: тр. XXII Международной объединенной науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19–22 июня 2019 г. СПб.: Университет ИТМО, 2019. С. 50–60.

Попова Т. И. Кто в доме хозяин? Или о том, чья очередь говорить // *Русская речь.* 2020. № 1. С. 7–20.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. М.: Языки слав. культуры, 2021. 405 с. В печати.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллект. монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга: пер. с англ. М.: Вече, 1996. 429 с.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // *Новое в лингвистике.* Вып. 1: пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–169.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания* / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–162.

Фуфаева И. В. Как называются женщины? Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus, 2020. 304 с.

Халева И. И. Гендер как интрига познания // *Гендерный фактор в языке и коммуникации.* Иваново: Рудомино, 1999. С. 5–9.

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // *Matoušek, V., Mautner, P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009. P. 250–257.*

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic Features and Sociolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian // *SPECOM 2017. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017. P. 503–511.*

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 358 p.

Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York, Harper, 1975. 83 p.

Trömel-Plötz S. *Linguistik und Frauensprache* // *Linguistische Berichte*, 1978. S. 49–68.

References

Avtukhovich Yu. E. Vliyanie faktorov 'Spetsial'-nost' i 'Gender' na upotreblenie vidovykh form glagola [Influence of the factors 'Specialty' and 'Gender' on the usage of verb aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 1(17), pp. 33–40. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Pragmatika* [Pragmatics]. *Linguisticheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartsev. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1990, pp. 389–390. (In Russ.)

Belyaeva Yu. A. *Osobennosti rechevogo povedeniya muzhchin i zhenshchin: Na materiale russkoy razgovornoy rechi. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of speech behavior of men and women: a case study of Russian colloquial speech. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2002. 19 p. (In Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001. 439 p. (In Russ.)

Beauvoir S. *Vtoroy pol* [The Second Sex]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2017. 928 p. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. *Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya* [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 3(27), pp. 7–20. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. *Korpus Odin rechevoy den' v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoy rechi* ['One Speaker's Day' corpus in studies of sociolinguistic variability of Russian colloquial speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [The analysis of Russian colloquial speech (AR3-2017): Proceedings of the 7th interdisciplinary seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg, Politehnika-print Publ., 2017, pp. 14–20. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya., Zaydes K. D., Popova T. I. *Annotirovanie pragmaticheskikh markerov v russkom rechevom korpusе: problemy, poiski, resheniya, rezul'taty* [Annotating pragmatic markers in the Russian Speech Corpus: Issues, searches, solutions, results]. *Kompyuternaya lingvis-*

tika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog' [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference 'Dialog'], 2019, issue 18(25), pp. 72–85. (In Russ.)

Goroshko E. I. *Gendernaya problematika v yazykoznanii* [Gender problematics in linguistics]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Uchebnoe posobie* [Introduction to gender studies. Textbook]. Kharkiv, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, pt. 1, pp. 508–543. (In Russ.)

Zaydes K. D. *Dzhenl'meny predpochitayut voprosy: metakommunikativy v rechi predstaviteley raznykh sotsial'nykh grupp* [Gentlemen prefer questions: Metacommunicative items in the speech of different social groups]. *Russkaya filologiya. Vyp. 28* [Russian Philology], Tartu, 2017a, issue 28, pp. 271–275. (In Russ.)

Zaydes K. D. *Metakommunikatsiya v russkoy ustnoy spontannoy rechi*. Dis. mag. lingv. [Metacommunication In Russian oral spontaneous speech. Master's thesis in linguistics]. St. Petersburg, 2017b. 239 p. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. *Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie* [The Sound Corpus as Material for Analyzing Russian Speech. Collective monograph. Pt. 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2013. 532 p. (In Russ.)

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. A., Rozanova N. N. *Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi* [Features of male and female speech]. *Yazyk kak deyatel'nost': monografiya* [Language as an activity: Monograph]. Ed. by E. A. Zemskaya. 2nd edition. Moscow, Flinta Publ., 2015, pp. 563–645. (In Russ.)

Zubenko Ya. V. *Aktualizatsiya gendernogo aspekta v zhenskom narrative* [Actualization of the gender aspect in female narrative]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2020, vol. 7, issue 3, pp. 641–658. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Chastnye sotsiolekty: sotsial'naya stratifikatsiya ustnoy rechi* [Private sociolects: Social stratification of oral speech]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki. Vyp. 15. Permskaya sotsiopsikholingvisticheskaya shkola: idei trekh pokoleniy. K 70-letiyu Ally Solomonovny Shtern. Sbornik statey* [Issues of socio-psycholinguistics. Issue 15. Perm socio-psycholinguistic school: Ideas of three generations. On the occasion of the 70th anniversary of Alla Solomonovna Stern. Collection of articles]. Ed. by E. V. Erofeeva. Perm, Perm State University Press, 2011, pp. 211–227. (In Russ.)

Kirilina A. V. *Gender: lingvisticheskie aspekty*. [Gender: Linguistic Aspects]. Moscow, Institute of

Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 189 p. (In Russ.)

Kirova A. G. Razvitie gendernykh issledovaniy v lingvistike [The evolution of gender studies in linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2009, issue 8 (86), pp. 138–140. (In Russ.)

Kotthoff H. Gendernye issledovaniya v prikladnoy lingvistike [Gender studies in applied linguistics]. Transl. from German by M. V. Tomskaya. *Gender i yazyk* [Gender and language]. Ed. by A. V. Kirilina. Moscow, LRC Publishing House, 2005, pp. 563–622. (In Russ.)

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu i sotsiolingvistike* [Russian Word, One's Own and Someone Else's: Research on Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 888 p. (In Russ.)

Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i drugie opasnye veshchi: Chto kategoriya yazyka govorit nam o myshlenii? Kniga 1. Razum vne mashiny* [Women, Fire, and Other Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind? Book 1. The Mind beyond the Machine]. Transl. from English by I. B. Shatunovskiy. Moscow, 2011, LRC Publishing House. 512 p. (In Russ.)

Myers D. Sotsial'noe vliyanie [Social influence]. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. 7th edition. St. Petersburg, Piter Publ., 2010, pp. 200–241. (In Russ.)

Pavlova D. S., Tsygul'skaya L. D. Vliyanie pola i vozrasta govoryashchikh na semanticheskuyu strukturu ustnogo spontannogo teksta [Influence of human gender and age on the semantic structure of oral spontaneous text]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after the V. N. Tatishchev], 2018, vol. 1, issue 4, pp. 118–127. (In Russ.)

Perez C. C. *Nevidimye zhenshchiny: pochemu my zhivem v mire, udobnom tol'ko dlya muzhchin? Neravnopravie, osnovannoe na dannykh* [Invisible women: Data bias in a world designed for men]. Transl. from English. Moscow, Alpina Publ., 2020. 496 p. (In Russ.)

Popova T. I. Chastotnye spiski kak instrument poiska lingvisticheskikh korrelyatov sotsial'nykh roley govoryashchego [Frequency lists as a search tool for linguistic correlates of social roles of the speaker]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [The Buryat State University Bulletin. Philology], 2018, vol. 2, issue 2, pp. 33–41. (In Russ.)

Popova T. I. Markery metakommunikatsii v raznykh sotsial'nykh rolyakh govoryashchego: na materiale pragmaticheskogo annotirovaniya korpusnykh

dannykh [Markers of metacommunication in different social roles of the speaker: Based on the material of pragmatic annotation of corpus data]. *Kompyuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii. Vyp. 3. Trudy XXII Mezhdunarodnoy ob'edinennoy nauchnoy konferentsii 'Internet i Sovremennoe Obshchestvo'*, IMS-2019, Sankt Peterburg, 19–22 iyunya 2019 g. *Sb. nauch. tr.* [Computational linguistics and computational ontologies. Issue 3. Proceedings of the 22nd international scientific conference 'Internet and Modern Society', IMS-2019, June 19–22, 2019. Collection of scientific works]. St. Petersburg, ITMO University Press, 2019, pp. 50–60. (In Russ.)

Popova T. I. Kto v dome khozyain? Ili o tom, chya ochered' govorit' [Who is the boss in the house? Or about whose turn it is to speak]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2020, issue 1, pp. 7–20. (In Russ.)

Pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi: Slovar'-monografiya [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-monograph]. Comp., ed. and preface by N. V. Bogdanova-Beglaryan. Moscow, LRC Publishing House, 2021. 405 p. In print. (In Russ.)

Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya [The Russian Language of Everyday Communication: Features of functioning in different social groups. Collective monograph]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, LAYKA Publ., 2016. 244 p. (In Russ.)

Tannen D. *Ty menya ne ponimaesh'! Pochemu zhenshchiny i muzhchiny ne ponimayut drug druga?* [You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation]. Transl. from English. Moscow, Veche Publ., 1996. 429 p. (In Russ.)

Whorf B. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The relation of habitual thought and behavior to language]. *Novoe v lingvistike* [The New in Linguistics]. Transl. from English. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, issue 1, pp. 135–169. (In Russ.)

Ufimtseva N. V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [The Russians: Experience of self-cognition]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethno-cultural specific features of language consciousness]. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 139–162. (In Russ.)

Fufaeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenshchiny? Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsya* [What are Women Called? Feminitives: History, Structure, Competition]. Moscow, Corpus Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)

Khaleeva I. I. Gender kak intriga poznaniya [Gender as the intrigue of cognition]. *Gendernyy faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender in language and

communication]. Ivanovo, Rudomino Publ., 1999, pp. 5–9. (In Russ.)

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication ‘One Speaker’s Day’: Creation Principles and Annotation. *LNAI*, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009, pp. 250–257. (In Eng.)

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic Features and So-

ciolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian. *SPECOM 2017. LNAI*, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017, pp. 503–511. (In Eng.)

Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 358 p. (In Eng.)

Lakoff R. *Language and Woman’s Place*. New York, Harper, 1975. 83 p. (In Eng.)

Trömel-Plötz, S. Linguistik und Frauensprache. *Linguistische Berichte*, 1978, pp. 49–68. (In Ger.)

METACOMMUNICATIVE PRAGMATIC MARKERS: GENDER ASPECT

Tatiana I. Popova

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. tipopova13@gmail.com

SPIN-code: 5935-5281

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2066-7868>

ResearcherID: AAU-2106-2020

Submitted 02.03.2021

The article deals with the use of metacommunicative pragmatic markers in the gender aspect, taking into account the social roles of the speaker. The research is carried out based on the data of the ORD corpus of Russian Everyday Speech, known as ‘One Speaker’s Day’, which contains transcripts of audio recordings obtained under natural conditions. The subsample includes about 200 thousand words. It features episodes of ‘speaker’s days’ of 15 women and 15 men belonging to three age groups. The informants act in various social roles, opposed by the principle of symmetry/asymmetry. Pragmatic annotation of the material and further discursive analysis have demonstrated that metacommunication is actively used in the speech of the informants, but it is much more common for the women’s speech. The men use markers of this type with specific speech tasks, for example, for a refusal (*slushay / u menya net deneg <look / I have no money>*); in the women’s speech, the variability of metacommunicative markers is wider but there is no functional diversity. This confirms the observations of linguists, obtained from the material of various languages, that women tend to cooperate and maintain dialogue to a greater extent than men. From the perspective of feminist linguistics, this feature of female speech is directly related to the issues of the women’s dependent position since it reflects their passivity and the habit of yielding. However, more than half of the detected uses belong to the speech of women of the older age group (from 55 years old) who communicate with relatives and friends, while in the younger age group the metacommunicative pragmatic markers become multifunctional and also act in speech as a start marker.

Key words: sociolinguistics; gender linguistics; corpus linguistics; oral speech; linguistic relativity; pragmatic markers; metacommunication.